

ПАМЯТИ П. П. БАЖОВА (1879–1950)

УДК 821.161.1:94(470.5)

DOI: 10.58529/2782-6511-2025-4-3-94-111

Литовская Мария Аркадьевна

д. филол. н., профессор, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Россия, Екатеринбург)

ORCID: 0000-0002-3388

E-mail: marialiter@gmail.com

Сюй Жань (徐冉)

аспирантка Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

ORCID: 0009-0005-7097-9407

E-mail: xuran714@gmail.com

«Место памяти» в литературной деятельности П. П. Бажова

АННОТАЦИЯ. В интервью последних лет жизни П. П. Бажов неоднократно говорит о памяти как важнейшем источнике и инструменте творчества. Собирая образцы локальных «речений-побасок» и включая их в тексты, Бажов сохраняет память о речевой культуре Урала. Используя исторические документы, собственные и чужие воспоминания, он создает исторические «были» об исчезающем укладе горнозаводского Урала, после чего принимается за «восстановление фольклора по памяти», воспроизводя слышанные в детстве рассказы «заводских стариков». Наконец, опираясь на личные воспоминания и материалы коллективной памяти, выстраивает незавершенную серию автобиографических текстов и серию оригинальных сказов, составивших сборник «Малахитовая шкатулка», пополняемый на всем протяжении жизни автора. В совокупности разножанровые тексты предлагают как вариант истории Урала, во многом альтернативный государственному, так и образ Урала — одновременно «фронтيرا» и «места силы». П. П. Бажов воспринимает себя как уникального субъекта коммуникативной памяти уральских горнозаводских жителей, способного воспроизвести в письменном слове особенности их мышления, языка, системы ценностей и т. п. Он использует квалификацию литератора, чтобы превратить коммуникативную память социальной группы в культурную память — систему символов региона, создать представление об Урале, которое может увлечь читателей. Фрагменты истории места, еще не готовые, по мнению П. П. Бажова, для художественной обработки, он также стремится спасти от забвения, проговаривая соответствующие темы в письмах, выступлениях, беседах, распространяя их среди современников и потомков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская литература XX века, культурная география, художественный историзм, образ Урала, П. П. Бажов, коллективная память

Для цитирования: Литовская М. А., Сюй Жань. «Место памяти» в литературной деятельности П. П. Бажова // Историко-географический журнал. 2025. Т. 4, № 3. С. 94–111. DOI: 10.58529/2782-6511-2025-4-3-94-111.

Поступила в редакцию 16.09.2025

Принята к публикации 11.11.2025

© Литовская М. А., Сюй Жань, 2025

IN MEMORY OF P. P. BAZHOV (1879–1950)

UDC 821.161.1:94(470.5)

DOI: 10.58529/2782-6511-2025-4-3-94-111

Maria A. Litovskaya

Doctor of Philological Sciences, Professor, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Ekaterinburg)

ORCID: 0000-0002-3388

E-mail: marialiter@gmail.com

Xu Ran (徐冉)

Postgraduate Student, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

ORCID: 0009-0005-7097-9407

E-mail: xuran714@gmail.com

«The Place of Memory» in P. P. Bazhov's Literary Activity

ABSTRACT. Pavel Petrovich Bazhov (1878–1950) repeatedly spoke about memory as the most important source and tool of his creativity in interviews in the last years of his life. By collecting examples of local sayings (*recheniya-pobaski*) and including them in his texts, Bazhov preserved the memory of the Ural speech culture. Using historical documents, his own and others' memories, he created historical "fables" about the disappearing way of life in the mining industry of the Urals, and then began to "restore folklore from memory" by recounting the stories of "factory elders" that he had heard as a child. Finally, drawing upon personal memories and materials from collective memory, he created an unfinished series of autobiographical texts and a series of original tales that formed "The Malakhit Box" collection, which was expanded throughout the author's life. Taken together, texts of the various genres offer a version of the history of the Urals that is largely alternative to the state version and an image of the Urals both as of a "frontier" and as a "heartland." P. P. Bazhov perceives himself as a unique subject of the communicative memory of the Ural mining workers, capable of reproducing their way of thinking, language, value system in written form. He uses his literary skills to transform the communicative memory of a social group into cultural memory — a system of symbols for the region — and to create an image of the Urals that can captivate his readers. The writer also strives to save from oblivion fragments of the history of a place that are not ready for artistic processing by discussing relevant topics in letters, speeches, and conversations, and disseminating them among contemporaries and descendants.

KEYWORDS: Russian literature of the 20th century, cultural geography, artistic historicism, image of the Urals, P. P. Bazhov, collective memory

For citation: Litovskaya M. A., Xu Ran. [«The Place of Memory» in P. P. Bazhov's Literary Activity]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2025, vol. 4, no. 3, pp. 94–111. DOI: 10.58529/2782-6511-2025-4-3-94-111 (In Russian).

Received 16 September 2025

Accepted 11 November 2025

ВВЕДЕНИЕ

«История всегда была главным интересом в жизни отца. История и Слово, Слово и История, и еще Урал»¹, — это утверждение дочери Павла Петровича Бажова Ариадны Павловны соответствует мнению многих исследователей и мемуаристов. В сознании большинства профессиональных и непрофессиональных читателей Бажов — автор сказов, связанных с Уралом. Менее известны его автобиографические повести, документальные очерковые книги, доклады, письма, дневниковые записи. Но к каким бы текстам уральского писателя ни обратился читатель, он не может не заметить, что значительная часть их вне зависимости от времени создания и жанра, во-первых, основана на материале более или менее отдаленного прошлого, во-вторых, связана с уральским регионом. Кроме того, в-третьих, автор постоянно апеллирует к своей памяти — воспоминаниям выходца из среды горнозаводских рабочих, почти всю свою жизнь прожившего в родных местах.

Начиная с «Уральских былей» (1924), Бажов постоянно возвращается к рассказам о географии и истории горнозаводского Урала, его особенном укладе. Эта особенность, определяющая тематическое единство текстов писателя, рассматривалась в бажоведении на всем протяжении его существования². Тема памяти же обычно оказывалась в тени, тогда как, по нашему предположению, именно ее присутствие и порождает тот оригинальный смысловой сплав, что обеспечил Бажову славу уральского гения места. В статье мы ставили цель рассмотреть реализацию темы памяти в творческой практике П. П. Бажова, охарактеризовать, что именно становится материалом воспоминаний в текстах писателя, какую форму он выбирает для представления результатов воспоминаний, какие функции выполняют воспоминания в его произведениях.

СОДЕРЖАНИЕ ВОСПОМИНАНИЙ: «ИСТОРИЧЕСКИ ЯЗЫКОВАЯ КОПИЛКА»

В творчестве П. П. Бажова воспоминания связаны, в первую очередь, с опытом жизни в среде уральских горных заводов, которая была малоизвестна даже современникам писателя. Одной из важнейших составляющих воспоминаний является язык, которым П. П. Бажов наделяет персонажей своих произведений.

С первых текстов автор удивляет читателей описанием Сысертского округа, например, непривычными географическими названиями: Сысерть, Горный Щит, Нязепетровский, Полевая, Гумёшки, Кочкарь, Крылатовско, Поскакуха, Азов-гора, Думная гора, Марков камень, Зюзелька, Северушка и т. п. «Уральские были» (1924) начинаются с обсуждения непонятных реалий уклада заводской жизни: «Ты что не собираешься? Ревело уж. — Ладно, без сборов. <...> Объявил вчера надзиратель — к расчету!.. Не клином свет сошелся. На Абаканские вон которые едут»³.

В сказах Бажов в полной мере реализует погружение читателя в незнакомый мир, к тому же описанный с помощью слов, о значении которых остается только догадываться. «Это еще в те годы было, когда тут стары люди жили. На том, значит, пласту, где поддёрново золото теперь находят»⁴ (с. 9, «Дорогое имячко»). «Пошли раз двое наших заводских траву смотреть. А покосы у них дальние были. За Северушкой где-то» (с. 24; «Медной горы хозяйка»). «Жил в заводе мужик один. Левонтьем его звали... Смолоду его в горе держали, на Гумёшках то есть» (с. 38; «Про Великого Полоза»). Бажовский прием — с самого начала удивить читателя непривычным языком, описывающим непривычный обиход, — сохранится вплоть до последнего сказа «Широкое плечо» (1948): «Раньше по нашему заводу обычай держался — праздничным делом стенка на стенку ходили. По всем концам этим тешились и так подгоняли, чтоб остальным поглядеть было можно» (с. 689; «Широкое плечо»).

¹ Бажова-Гайдар А. П. А. П. Глазами дочери. М., 1978. С. 124.

² См., например: Гельгардт Р. Р. Об исторических мотивах в сказах П. Бажова. К проблеме советская литература и фольклор // Павел Петрович Бажов. Сборник статей и воспоминаний. Молотов, 1955. С. 69–172; Слобожанинова Л. М. Слово и история. Творческий опыт П. П. Бажова в историческом жанре // Урал. 1984. № 1. С. 166–171; Плотников И. Ф. Павел Петрович Бажов как политик и историк. Екатеринбург, 2004; Приказчикова Е. Е. Топос и локус Урала в эпистолярном наследии П. П. Бажова // Бажов в меняющемся мире. Екатеринбург, 2022. С. 9–32; и др.

³ Бажов П. П. Уральские были. [Свердловск], 1951. С. 17.

⁴ Бажов П. П. Малахитовая шкатулка: научное издание. М.; Екатеринбург, 2019. С. 9. В дальнейшем ссылки на сказы будут приводиться по этому изданию в тексте в круглых скобках.

Бажов извлекает неожиданные слова и выражения из своей памяти и записей для памяти, которые ведет со времен учебы в семинарии. В письме к своему первому биографу Л. И. Скорино в письме 1944 г. он пишет о том, что, работая учителем, во время «18-летних просторных вакатов <...> скитался по Уралу и не совсем бесцельно», так как «вполне основательно, с полной паспортизацией» собирал «узко локализованные присловья»⁵. «Запас образов и сюжетов уральского рабочего творчества у меня был с детских лет. Лексика — язык моих родителей, освеженный во время работы в течение семи лет над крестьянскими письмами в редакцию “Крестьянской газеты”»⁶. Сохранившиеся «рабочие записи» писателя содержат многочисленные «узелки на память» — перечни слов и выражений, связанных с различными сторонами жизни уральских обитателей⁷. Большинство использованных в опубликованных текстах «узелков» отправляют читателей в прошлое, потому что их назначение — передавать реалии жизни «в заводе». Например, знакомить с многообразием рабочих профессий: «На довольно ходовой в ребячем быту вопрос: “где у тебя отец робит?” в Сысерти обычно слышалось в ответ: “в паленьговой”, “на сварке”, “под домной”, “на механическу ходит”, “на Верхний бегаает”, “листокаталем на Ильинском”. Здесь же чаще отвечали совсем по-другому: “куренная наша работа”, “из жигалей мы”, “на лошадах робим”, “на лошади колотится”, “на людей в курене ворочает”, “так, по рудникам да приискаем больше”, “старатель он”, “золото потерял: пески переглядывает”, “около мастерской кормится”, “охотничает по зимам-то”»⁸. Столь же детализированными оказываются описания своего труда в разговорах горщиков, гранильщиков, углежогов, старателей, ювелиров, изготовителей украшенного оружия, подносов, художественного литья, даже поддельных камней.

Читатели не всегда отдают себе отчет в том, что, хотя писатель ловко управляет этим удивительным языком, он не является для него актуальным. Бажов получил систематическое гуманитарное образование, много лет служил преподавателем словесности в учебных заведениях, читал лекции, доклады, занимался журналистикой, был редактором, наконец, автором множества текстов различных жанров и свободно владел нормами литературного русского языка. То, что автором сознательно используется прием — вызывать своего рода культурный шок при знакомстве с речевой организацией центрального для его творчества жанра — сказов, доказывает тот факт, что первое издание «Малахитовой шкатулки» Бажов счел необходимым сопроводить короткой заметкой «О речевых особенностях округа и сказителя», где описаны фонетические особенности уральской речи и дана справка об исторических корнях населения Сысертского округа, а также очерком «У караулки на Думной горе. Вместо предисловия». Впоследствии первоначальные заметки разрослись в развернутые комментарии — словарь «Объяснение отдельных слов, понятий и выражений, встречающихся в сказах» и очерк «У старого рудника».

Значительная часть интервью и переписки Бажова, особенно с пишущими о нем критиками и литературоведами, представляет собой пояснения к «старым словам», присущим миру, который он описывает в своих текстах. Авторы литературоведческих исследований творчества П. П. Бажова в процессе их подготовки предлагали автору развернутые вопросники, а после включали в монографии развернутые пояснения своего героя. Отсутствие опыта взаимодействия с уникальным социальным пространством, которое существует в памяти Бажова, заставляет их в своих выводах заручаться поддержкой своего изучаемого «предмета» (так Бажов именовал себя в переписке с Л. И. Скорино).

Когда сказы Бажова начали издавать вне сборника отдельными книжками, сопровождать их развернутыми авторскими очерками оказалось нецелесообразно. Бажов соглашался с этим, но все же ставил перед редакторами ряд ограничений: «Против сокращения словаря не возражаю. Давно пора, кроме пояснений историко-географического характера»⁹. Такое требование,

⁵ Бажов П. П. Письма. 1911–1950 / сост. Григорьев Г. А., Григорьева Л. С. М.; Екатеринбург, 2018. С. 195.

⁶ Бажов П. П. Публицистика. Письма. Дневники / сост. В. А. Бажова, М. А. Батин. Свердловск, 1955. С. 193.

⁷ См. об этом: Литовская М. А. Письма и рабочие записи П. П. Бажова: меняет ли «вброс» эго-текстов легендарную биографию писателя? // Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах. Екатеринбург, 2021. С. 133–137.

⁸ Бажов П. П. Малахитовая шкатулка: научное издание. С. 723–724.

⁹ Бажов П. П. Письма. С. 405.

скорее всего, связано с двумя важнейшими характеристиками его художественного мира: для Бажова принципиально, что действие происходит на Урале в существующих на картах реальных локациях в определенные временные отрезки, также прямо или косвенно прикрепленные к общеизвестным историческим событиям.

СОДЕРЖАНИЕ ВОСПОМИНАНИЙ: ЗАВОДСКАЯ СРЕДА

В «Уральских былях», вспоминая о непростом характере отца, носившего уличное прозвище Сверло, Бажов сообщает, что за острый язык Петра Васильевича время от времени переводили с одного завода на другой, а семья отправлялась вслед за ним. «В силу этих постоянных “проветриваний” отца мне в детские годы пришлось пожить — и не по одному разу — во всех заводах Сысертского округа. <...> жизнь Сысертского округа была мне известна приблизительно на протяжении тридцати лет — до начала войны четырнадцатого года. Много из этой жизни, как я потом убедился, было типичным для всего горнозаводского Урала, поэтому я и решаюсь воспроизвести сохранившиеся в памяти обрывки картин заводского быта за последние три десятка лет перед революцией»¹⁰.

В первой очерковой книге Бажов дает общий абрис социальной иерархии заводов, приводя в соответствие оценки послереволюционного времени и свои недавние воспоминания. «Баре» редко бывают в заводе, их предназначение — «разматывать труд рабочих по заграницам», «где-то там вращаться и блистать». Приказные (есть среди них судари, присудари, шоша, кричные жомы) живут в заводе, напрямую жестко, с позиции власти, контактируя с рабочими, среди которых самые многочисленные заводские (рудничные, куренные, возчики), а также приисковые, кустари, чертознаи, «старики». Все они вне зависимости от профессии обычно тяжело трудятся с юного возраста и живут в бедности. Бажов кратко описывает, что характерно для каждой из групп рабочих, как организованы их будни, касается некоторых принятых в рабочей среде обычаев вроде «щегольства» подростковой «шаровки» или «бабьего часа», демонстрирует некоторых ярких личностей Сысертских заводов, запомнившихся своим необычным поведением. Все эти группы людей, несмотря на существующие у них противоречия, являются частью одного, довольно закрытого от внешнего мира сообщества, объединенного общим местом работы и жительства.

Впоследствии в автобиографических повестях, сказах, развернутых письмах и интервью Бажов существенно уточнит свое первоначальное описание заводской среды. «Внешняя сторона» заводской жизни дополнится размышлениями о некоторых неочевидных сообществах в заводской среде — например, о значимости в структуре заводского уклада «заводских стариков», которые не просто выступали хранителями былей и легенд завода, но были профессионалами высокого класса каждый в своем деле: «У этих заводских стариков что было общего? Опыт их жизни, то есть каждый из них свои 25 и 30 лет на заводе, на каком-нибудь виде работы отмахал, то есть был ли это прокатчик, медеплавильщик, старатель, — несомненно, что каждый из этих заводских стариков какую-то часть заводской работы очень хорошо на себе изучил»¹¹. Это давало старикам право передавать свой опыт, высказывать свои оценки, воспитывать тех, кто младше¹².

Воспоминания являются для Бажова своеобразным орудием защиты заводского мира дореволюционного Урала от упреков в излишней грубости нравов или жестокости по отношению, например, к детям. Обсуждая особенности своей автобиографической прозы, Бажов объясняет одну из причин своего обращения к этому жанру: «Хотелось по-другому показать воспитание ребят в средней рабочей семье, в противовес тому, что у нас нередко изображалось. <...> Была и нужда, и материальная ограниченность, но ребята не дистрофиками росли: из них ведь выходили те мастера и подмастерья, которые играючи ворочали клещами шестипудовые крицы и подбрасывали в валок тяжелые полосы раскаленного железа. Была и детская беспризорность,

¹⁰ Бажов П. П. Уральские были. С. 20.

¹¹ Бажов П. П. Публицистика... С. 114.

¹² См.: Блажес В. В. «Институт заводских стариков» в оценке П. П. Бажова // Фольклор народов РСФСР: Межвуз. науч. сб. Уфа, 1979. Вып. 6. С. 81–86.

но она значительно ослаблялась тем, что ребята очень рано начинали осознавать себя ответственными членами семьи. <...> Разве это не интересные явления общественного воспитания?»¹³ Важно, что под «интересным» Бажов обычно понимает актуальное, то, что может оказаться полезным его читателям.

Буквально каждый новый бажовский текст по мере формирования художественного мира писателя уточняет и углубляет описание рабочих людей старого Урала. Писатель расширяет круг рабочих профессий персонажей, но принципиально новаторским оказывается введение Бажовым внепрофессиональной категории «мастер»¹⁴ — рабочих, которые сущностно отличаются от «мастерко» и «мастеровщины» «Уральских былей». Образы мастеров напрямую связаны с такими духовными категориями, как творчество, вдохновение, внутренняя свобода, личностная реализация¹⁵.

Размышления над прошлым позволили Бажову показать сложноорганизованный мир уральских заводов. Он начинает с введения читателя в неизвестный для него экзотический социум, точно, но с «внешней стороны» описывая организацию заводской жизни, интересуясь социальными группами, а не индивидуальностями, но, постепенно углубляя свой рассказ, переходит к описанию неочевидных внутренних ее взаимосвязей, ограничений и возможностей, формирующих определенные типы личностей, сценарии их поведения и т. п. Это позволило Бажову не только уточнять, но иногда и опровергать устоявшиеся представления о нравах, взаимоотношениях заводских обитателей, их интересах и фантазиях.

СОДЕРЖАНИЕ ВОСПОМИНАНИЙ: ЧУЖИЕ РАССКАЗЫ

Важной частью содержания бажовских воспоминаний оказываются слышанные им когда-то рассказы, в том числе и полужанровые, рабочих о их жизни, о прошлом. «В детстве пришлось мне три года провести в Полевском заводе. Было это чуть не полвека тому назад — в 1892–95 годах. Жили мы за рекой, почти у самой горы Думной, в небольшом домике, стоявшем на шлаковых отвалах. <...> Недалеко от нашего дома находилась заводская “дровяная площадь”. Для ее охраны на горе Думной была поставлена будка с колоколом. Звон колокола по вечерам казался таинственным, и детское воображение рисовало и связывало с будкой всякие “страшные истории”»¹⁶.

По утверждению П. П. Бажова, он предложил для публикации свои первые сказы потому, что в фольклорных сборниках того времени не было образцов рабочего фольклора. Его это задело, так как он в свое время слышал много подобного рода «историй» от рабочих и решил восстановить эти рассказы по памяти: «Я сам сколько угодно этого рабочего фольклора слышал, слышал целые сказы. И я в виде образца принес им “Дорогое имячко”. Я хотел восстановить этот сказ так, как я его слышал. Мне казалось, что это было восстановлением фольклора по памяти, причем я так и сказал, что я восстановил его по памяти, что я слышал его от В. А. Хмелинина. Это и вышло в печати как фольклор. Восстановить этот материал через 50 лет по памяти с текстуальной точностью, конечно, было нельзя, но я попытался это сделать. <...> Я сам давал первые сказы именно как восстановление фольклора»¹⁷.

Бажов использовал такой способ обработки материала только в некоторых «сказах, связанных с циклом “Гумешевский рудник”», тогда как заниматься «подгонкой» оригинального текста под «местный говор», «базируясь только на существенных словах» или «фольклорных элементах»¹⁸, писатель продолжит и позже. Имеется в виду использование чужих рассказов о народных приметах, профессиональных секретах, происхождении топонимов и т. п., которые, будучи

¹³ Бажов П. П. Публицистика... С. 164.

¹⁴ См. об этом: Жердев Д. В. Поэтика сказов П. П. Бажова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 1997. 21 с.

¹⁵ См. об образе мастера, его эволюции: Ишунина Е. Н. Мотив платы за дар гения в сказах П. Бажова и повести И. Шмелева «Неупиваемая Чаша» // Творчество П. П. Бажова в меняющемся мире: Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения П. П. Бажова, 28–29 января 2004 г. Екатеринбург, 2004. С. 38–40; Жердев Д. В. Мастер как персонаж сказов П. П. Бажова // Бажовская энциклопедия. Екатеринбург, 2007. С. 247–250.

¹⁶ Бажов П. П. Малахитовая шкатулка: научное издание. С. 784.

¹⁷ Бажов П. П. Публицистика... С. 110.

¹⁸ Там же. С. 110–111.

извлеченными из памяти, соединились с воображением автора, становились основой нового рассказа о событиях и людях, связанных с горнозаводским прошлым. В частности, Бажов приводит в пример название Поскакушинского прииска «на пути к Полдневой», многочисленные рассказы о «знаках», указывающих на «земельное богатство», в том числе на месторождения золота, которое «сидит редькой», подтолкнувших его воображение к созданию образа Огневушки-Поскакушки и связанного с ней оригинального сюжета. По словам писателя, он использовал «образ ящерицы как воплощение “Хозяйки горы”», потому что вспомнил, как выглядит «открытый выход углекислой меди или ее разлом. По цвету, а иногда и по форме здесь сходство очевидное»¹⁹.

В творческой «мастерской» П. П. Бажова шел процесс превращения фольклорных материалов в письменную литературу, и память играла в нем важную роль. В своем выступлении на конференции «Настоящее и прошлое Урала в художественной литературе» (1943) писатель скажет о себе в третьем лице, что «в действительности Бажову просто посчастливилось: он вырос в таких условиях, в таком месте, где оказалось большое скопление фольклорных сплетений. У него создалось преимущественное положение»²⁰. Горнозаводской округ и — шире — Урал, исторически заселенный людьми из разных районов России, получил, по мнению Бажова, «изумительное сочетание всякого сорта фольклорных разностей»²¹. Согласно представленной Бажовым картине, рабочие воспроизводили фольклорные тексты своей местности, изменяли их, обогащая своими представлениями о мире, новым опытом, смешением наречий. Вновь создаваемые тексты бытовали в заводской среде и передавались детям как предания уже их родного места.

Для того, чтобы воспоминания о чужих повествованиях использовать в своих сказах, Бажову надо было обладать не только обширной прекрасной памятью, но также природной одаренностью и достаточной литературной квалификацией. Подобные «пересказы», очевидно, встречались на начальном этапе бажовской литературной деятельности, но автор ведет повествование от своего лица, лица безличного повествователя или ссылается на молву. В сказах же он создает обобщенный образ рассказчика — деда Слышко, более того, пишет специальный сказ «Тяжелая витушка» о его главном прототипе — «краснобае» Василии Хмелинине, который умел «ярко, хорошо рассказывать»²², после заменяет его безымянными рассказчиками, также заводскими старожилками, обладающими даром «живым языком» описывать мир уральских горнозаводцев.

Имея представление о взглядах дореволюционных рабочих на мир, их фантазиях о явлениях, причины которых они не могут понять, Бажов освоил фольклорный способ преобразования человеческого недопонимания в художественный образ: «действиями “тайной силы” неграмотный горнорабочий и старатель прошлого хотели объяснить себе многие непонятные явления. “Исчезла жилка” — Полоз отвел; в камне оказалось золото — Змеевка прошла, след оставила; нашел человек редкие по красоте и объему глыбы малахита — “Хозяйка горы помогла” и т. д.». Более того, писатель настолько овладел этим умением, что мог создать сказ по одному фрагменту слышанного когда-то рассказа. П. П. Бажов прямо говорит об этом в интервью М. А. Батину, отвечая на вопрос об источнике сказа «Живинка в деле»: «...там фольклорное только одно выражение “живинка”, причем это у углежогов. Мне об этом случалось слышать. Она, “живинка”, представлялась каким-то существом»²³.

На основе своих воспоминаний и авторской квалификации Бажов превращает сохранившиеся в памяти фрагменты устных рассказов рабочих в письменную литературу, в свою очередь, обогащая их интертекстуальными рефлексиями мировой литературы. Так, в сказе «Дорогое имячко» «старательский» сюжет — поиск богатого клада, который охраняет женщина-страж, — вытесняется... сюжетом об архаическом единстве с природой “старых людей”, которое разрушается

¹⁹ П. П. Бажов. Малахитовая шкатулка: научное издание. С. 753.

²⁰ Бажов П. П. Публицистика... С. 47.

²¹ Там же. С. 49.

²² Там же. С. 115.

²³ Там же. С. 111.

“властью золота”, но будет восстановлено в будущем, когда люди “отнимут у золота его силу”. Впервые звучит важный для комплекса бажовских сказов мотив охраняемого Тайной силой “земельного богатства”, которое рассматривается не как сокровища, имеющие денежное исчисление, но как возможность морально и социально состоятельного человека будущего использовать возможности природы на общее благо»²⁴.

ФОРМА ВОСПОМИНАНИЙ: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИСТОРИЗМ

Личная история, окружающий мир формируют индивидуальную память, но также память является способом конструирования прошлого в художественном тексте. Практически все они у Бажова посвящены прошлому, да и в обычной жизни он охотно вступает в беседы о «старине» и ее значении в жизни отдельного человека и общества в целом.

Во-первых, Бажов ценит «места памяти», какими бы незначительными они ни казались другим людям, во-вторых, он в целом позитивно относится к изменениям в окружающем мире. А. П. Бажова-Гайдар вспоминает, как отец радовался старым плакучим березам на развилке Сибирского и Исетского тракта: «Как будто вчера было: остановился я на развилке... и тут и там старые плакучие березы, и решаю — куда? На Логиново или на Белоярку? И вся жизнь еще впереди...»²⁵. Рано покинув родную семью, Бажов во время редких приездов в Сысерть в 1930-е гг. с удовольствием водил домашних по сохранившимся в памяти ягодным и грибным местам, «рассказывал про те места, где прошло его детство...»

«На Шиповой, если идти от пруда на правой стороне, стояла усадьба моих родителей. Дом, флигель, сарай... Я побывал там в прошлый приезд, но ничего не узнал. Наверное, дело в том, что я сам изменился и все вокруг изменилось»²⁶. Во время этой же поездки в Сысерть Бажов вглядывается в лица сверстников-земляков в надежде встретить былых «заединщиков».

Перемены в жизни неизбежны, но изменение человеческого лица, ландшафта, события не уничтожает иной, прежний образ этого же лица, ландшафта или события в памяти человека, а дополняет его. Бажов даже пишет рассказ «Недоступное место Храпы» о том, как «старожил» завода пустился было в рассказ жене и дочери об урочище Храпы, где водятся и птица боровая, и сохатые, и волки с медведями, а «колесной дороги в Храпы» вовсе нет, но молодой шофер невольно «разоблачил» его, сообщив, что ежедневно ездит по трассе до этого урочища. Рассказ завершается сентенцией: «Старый человек всегда правду скажет... Правду скажет, да не на этот день»²⁷. Для мировидения Бажова характерно понимание того, что «правда», существующая в памяти человека, может вступить в противоречие с правдой человека других «дней», который не может даже представить, насколько отличаются картины одного и того же места, запечатленные в памяти людей, видевших его в прошлом. Причина такого принимающего отношения к переменам, возможно, связана с тем, что Бажов оказался свидетелем глобальных перемен в окружающем жизнеустройстве.

В конце XIX — начале XX в. при всех перипетиях многолетняя рутина учебы, преподавательской работы, семейная жизнь, занятия самостоятельно выбранной научной темой создавали у молодого человека ощущение устойчивости, упорядоченности жизни. Но бурные революционные события рубежа 1910–1920-х гг. буквально смели казавшийся прочным прежний уклад, продемонстрировали хрупкость социального мира. Бажов позже скажет о насущной необходимости описать «эту уходящую народную историю труда... И надо с этим спешить. По опыту знаю, что теперь при довольно большой передвижке рабочего населения семейные предания держатся не так, как было 2–3 десятка лет тому назад»²⁸.

При этом его серьезно беспокоит, что «...никто не подумает о том, почему старого советского журналиста, чувствующего вопросы современности, потянуло рассказывать о том, что было

²⁴ Жердев Д. В., Литовская М. А. Павел Бажов «Малахитовая шкатулка»: контексты // Бажов П. П. Малахитовая шкатулка: научное издание.

²⁵ Бажова-Гайдар А. П. Указ. соч. С. 122.

²⁶ Там же. С. 26.

²⁷ Там же. С. 151–153.

²⁸ Бажов П. П. Письма. С. 241.

шестьдесят лет тому назад, просто ли припомнить дни, когда он был малышом, или есть другая задача»²⁹, о чем он и пишет в письме своему биографу 7 сентября 1946 г. Поводом для письма стала «губительная фраза» критика В. Емельянова в статье «Искаженная действительность»: «Потеря чувства нового — опасная потеря». Бажову претит «календарное определение истории и современности» и глубоко огорчает, что его «работа полностью приравнивается вообще к работам о старине. Современного в ней...не видят и, думаю, долго не увидят»³⁰.

Преимущество Бажова-автора состоит в его особом положении: он тот, кто слышал от «стариков» предания старого мира, кому близка его рабочая этика, кто, лично прожив кардинальные социальные перемены и оказавшись в другом историческом периоде, не может не замечать динамику исторического процесса, поэтому видит связующие нити между прошлым и будущим, не ощущаемые и не осознаваемые людьми, находящимися внутри одного исторического временного промежутка.

Бажов — внимательный читатель современной ему литературы — отдает себе отчет в том, что правда о прошлом, известная автору, в том числе по его воспоминаниям, легко исчезает под навязанными интерпретациями. «У нас... “ударилась в старину безудержно”, и прибавлю — бесстыдно, без всяких к тому данных. Наворочали вон романищев, что до конца не доберешься, а нового в них только то, что одно поставлено на другое место да выброшены кой-где “красненькие флажки” для советскости. <...> занимался вопросами старины своего края не в качестве перелицовщика, а пытался осветить эту старину с позиций другого мировоззрения и старался найти в ней то, что еще не было показано»³¹. Себя он, впрочем, тоже не щадит, прямо объясняя, что в его книгах пришло от внутренней потребности рассказать правду о прошлом, а что является «красненькими флажками». Например, по поводу «Зеленой кобылки» он пишет: «Приключения мальчуганов, помощь революционеру — все это лишь фабульные крючочки и петельки. Главным ставилось другое и совсем не маленькое»³².

«Другое мировоззрение», о котором пишет Бажов, включало особый взгляд на повествование о прошлом. Увлеченный исторической литературой разных жанров Бажов осознает системно-культурные свойства текстов профессиональной историографии, исторической публицистики и художественных произведений, при этом демонстрируя в своих текстах намеренную нестрогость обыденного исторического знания, запечатленного в коллективной памяти. Выбрав роль посредника-транслятора представлений, свойственных коллективной памяти и истории как науке, он создает эффект письма от имени народа (в сказах) и/или от имени исторической профессии (в исторической очеркистике). Стремление рассказать читателям о своем видении старого мира и восстановить правду взаимосвязаны. Он хочет создавать тексты, опирающиеся на его собственное, живое мнение о мире, который он хорошо помнил, а не на готовые интерпретации событий, что в изобилии предлагались ему в 1920–1940-е гг. окружающими авторитетами.

В этом негласном соревновании Бажову надо было сделать свою трактовку событий убедительной, а значит (он недаром долгое время преподавал, был журналистом, занимался политической деятельностью), найти максимально доступную и яркую форму публичного высказывания для выражения своей позиции.

ФОРМА ВОСПОМИНАНИЙ: ЖАНРЫ

Размышляя о своей творческой истории, Бажов так определял начало своего писательского труда: «Я занимался литературной работой в учительские годы <...>, имея в виду не художественную литературу, а именно краеведение». Оно привлекало желанием научно зафиксировать «какую-то печать места» и практическим интересом к возможной публикации: «...думал, что это будет интересно для филологического отделения Академии наук»³³. В 1944 г., вспоминая об этом периоде своей жизни, фиксацию («настоящий научный документ») Бажов иронически

²⁹ Там же. С. 402.

³⁰ Там же. С. 401.

³¹ Там же. С. 364.

³² Письма. С. 265.

³³ Бажов П. П. Публицистика. С. 109.

противопоставит менее, как казалось ранее, серьезному «воспроизведению слышанного по памяти»³⁴. В это время Бажов уже знает, что в большую литературу его ввело и прославил именно такое «воспроизведение».

В текстах 1920-х гг. П. П. Бажов воспринимает себя в первую очередь как хранителя уникальной памяти о жизни уральских горнозаводских рабочих: «Я просто жил жизнью рабочих, слышал их жалобы, разговоры, хлесткую насмешку над «начальством», видел жизнь и работу этого «начальства» и хочу, как умею, рассказать об этом, охватывая главным образом восьмидесятые и девяностые годы»³⁵. Но постепенно желание выделить из прошлого то, что может показаться любопытным людям с другим опытом, сменяется у Бажова стремлением защитить прошлое от ложных интерпретаций, а позже и показать его ценность для читателей сказов и автобиографических повестей разных возрастов.

Появление в таких условиях книги очерков «Уральские были» (1924) кажется совершенно обоснованным. Очерки журналиста включали описание событий и впечатлений детства повествователя, зарисовки «из заводского быта», но, поскольку автор был связан условиями публикации, она должна была соответствовать «заказу», то есть предполагала обязательное изображение политической борьбы пролетариата за свои интересы. Исследователь-историк пишет, что при таком подходе, где личное становится толчком для объективизированного исторического повествования, трудно отделить собственную точку зрения очеркиста от установок раннесоветского времени на воспроизводство жесткой классово-коммунистической позиции, отмечая, что таким образом искажается фиксация коллективной памяти³⁶.

Тем не менее в заглавие первой книги вошло жанровое определение «были». Содержательность этого жанра предполагает установку не столько на личную, сколько на коллективную память, на сохранение значимой для сообщества информации, но также на неточность, неполноту этой информации в процессе ее передачи от человека к человеку. Бажов использует приемы включения в текст неverified личного воспоминания, а также многоголосия, полифонии для создания эффекта столкновения спонтанных реакций персонажей на одно и то же событие, характерных для литературы первой половины 1920-х гг. Это позволяет отчасти нивелировать эффект чужого «заказного» начала в тексте.

По схожему творческому принципу выстраиваются и последующие очерковые книги «За советскую правду» (1925); «К расчету!» (1925); «Бойцы первого призыва» (1934). «Формирование на ходу. К истории Камышловского 254-го 29-й дивизии полка» (1936). Бажов определяет жанровую природу этих книг как исторические очерки: «Род литературы, в котором я работаю, это исторический очерк. Писать документальную историю полка я не берусь»³⁷. Таким противопоставлением Бажов подчеркивает существующее для него различие между жанрами «истории» и «очерка». «Истории» свойственны установка на объективность и поиск закономерностей событий прошлого, выявление последовательности описываемых событий. Духовное образование, работа журналиста, редактора, цензора научили Бажова понимать, что «история» как жанр предполагает цельную концепцию, которая не столько определяется видимой автором «объективностью», сколько задается «сверху». Очерк в этом смысле жанр более свободный: он позволяет и субъективность, и неполноту видения, и неполноту предлагаемого читателю знания.

Бажова интересовало своеобразие Урала, прошлое края нуждалось в описании и переосмыслении, но в интересующем его ключе, поэтому он предпринял редкую по тем временам попытку пойти вразрез с официальным вариантом исторической интерпретации, предложив свой вариант истории Урала, опираясь не на историко-материалистическое толкование истории, а на собственную и коллективную память. В середине 1930-х годов Бажов возвращается к материалу «Уральских былей» под двумя существенно отличными друг от друга и от всего ранее им написанного углами зрения.

³⁴ Бажов. Письма. С. 196.

³⁵ Бажов П. П. Уральские были. С. 20.

³⁶ Плотников И. Ф. Указ. соч. С. 18.

³⁷ Цит. по: Бажовская энциклопедия. Екатеринбург, 2007. С. 529.

Личные воспоминания легли в основу автобиографических повестей и очерков «Зеленая кобылка» (1939), «Егоршин случай» (1948), «Дальнее — близкое» (1949) и др. Писатель открыто комментирует, как происходит процесс конструирования текстов подобного рода. Автор опирается на свои воспоминания об общем строе жизни, но проявляет своеволие, необходимое для плавного развития сюжета, в мелочах: «В отношении ближайших соседей — тут немножко изменено, но тоже очень близко к реально бывшему. Имена другие... В моем ближайшем окружении были все пудлинговщики, мне же надо было, чтобы хоть один был доменщик, а они просто, как на грех, все пудлинговщики, никакого разнообразия. Ну, пришлось ввести доменщика»³⁸.

Однако автобиографическое повествование оказывается слишком локальным для создания фактографической базы потенциальной региональной истории. «Трудность здесь, на мой взгляд, в так называемых габаритах биографии. Ведь каждый из нас в зависимости от того положения, в котором находился, одно знает больше, другое меньше, третье совсем поверхностно, четвертое вовсе никак, а между тем читателю иногда важнее знать то, что лично тебе не так известно и может быть дано лишь по литературным источникам»³⁹. При этом значимость мемуаров, которые Бажов, иронизируя, называет «самом простеньким» жанром, он ценит высоко, апеллируя к памяти как необходимому источнику коллективного представления о мире. Так, он убеждает одного из своих корреспондентов — немолодого автора романа «Зауралье» — «вовсе оставить роман», так как «...для нашего брата — стариков — открыт более простой и надежный путь, путь воспоминаний. Каждый, кто хочет поделиться опытом своей жизни, может дать интересную книгу рассказов искренно и правдиво, что он сам видел, сам слышал, сам переживал, кого он знал из своего ближайшего окружения, что говорилось в этой среде и т. д.»⁴⁰.

Впрочем, самому Бажову этот путь кажется слишком ограниченным. В письме учителю московской школы Л. И. Апарникову от 30 октября 1946 г. он пишет: «По части автобиографии ничего обещать не могу. Да и вообще мне хотелось бы заменить свою биографию биографией той заводской среды, фольклор и говор которой привлекли внимание читателей к вещам за моей подписью... Это гораздо важнее, чем привлекать внимание к географическим пунктам и хронологическим датам своей жизни, которая ничем не примечательна»⁴¹.

Для изображения «биографии заводской среды» Бажов в середине 1930-х гг. выбирает неожиданную форму. По утверждению П. П. Бажова, сам жанр сказа был подсказан ему общением с рабочими: «...в сказы, которые мне приходилось слышать, вводились элементы какой-то серьезности. К тому, что рассказывает сказка, относились заранее как к вещи, которая занимает, развлекает, поучает младших. А к сказу относились по-другому, в сказе есть элементы действительной жизни, истории»⁴². Введение именно этого жанра подчеркивало, что многое из того, что рассказывалось, было не вымыслом рассказчика, а бытовавшими в заводской среде воспоминаниями о прошлом. «Человек пять ребятишек уже давно ждут, но, если кто-нибудь попросит сказку, старик всегда поправит: — Сказку, говоришь? Сказки это, друг, про попа да про попадью. Такие тебе слушать рано. А то вот еще про курочку-рябушку да золото-яичко, про лису с петухом и протча. Много таких сказок маленьким сказывают. Только я это не умею. Кой знал, и те позабыл. Про старинное житье да про земельные дела — это вот помню. Много таких от своих стариков перенял, да и потом слышать немало доводилось. <...> Только это не сказки, а сказы да побывальщины прозываются. Иное, слышь-ко, и говорить не всякому можно. С опаской надо. А ты говоришь — сказку!»⁴³ Основой первых его сказов стали воспоминания о рассказах, которые он в детстве слышал от В. А. Хмелинина и других известных ему рассказчиков — старика Мамона, А. Е. Клюквы, Короба и других.

³⁸ Бажов П. П. Публицистика... С. 110.

³⁹ Бажов П. П. Публицистика. С. 56.

⁴⁰ Бажов П. П. Письма. С. 358.

⁴¹ Там же. С. 429.

⁴² Бажов П. П. Публицистика. С. 120.

⁴³ Бажов П. П. Малахитовая шкатулка: научное издание. С. 748–749.

Позже, в интервью М. А. Батину 1950 г., писатель будет настаивать на том, что, хотя его можно считать таким же носителем памяти о жизни, рассказах, речевых особенностях горнозаводских рабочих, как и самих рабочих, его статус является особенным, так как он с помощью жанра сказа может создавать дополнительные субъекты памяти. Художественный потенциал сказа позволял Бажову включить свое понимание исторических событий в границы «чужого» видения происходящего и в интересующем нас аспекте базируется на противопоставлении истории и памяти. История в этом случае понимается как сознательно сформированная система группировки и объяснения определенных фактов в интересах определенной группы, а память — как спонтанно возникающая форма сохранения актуальных для индивида или группы фактов и их оценок. В предисловии к первому изданию «Малахитовой шкатулки», носящей название «У караулки на Думной горе», «ситуация восприятия сказов выстроена по принципу “один рассказчик — один голос”. Слушатели здесь — дети, “обучаемые”, почти безмолвные, без права на самостоятельную точку зрения. Рассказчик Слышко выступает как единственно компетентный субъект повествования, соответственно, субъект организации и оценки языковой, социальной, эстетической среды»⁴⁴.

Вводя в качестве рассказчиков старых рабочих, воссоздавая их «чужое видение», Бажов как будто передает им право памяти. Рассказчик является носителем уникального цельного образа прошлого, выработанного в конкретных исторических условиях людьми, составлявшими безгласное большинство, но имевших свой взгляд на мир и выражавших его в своем кругу. Он в своих рассказах опирается на коллективный опыт, является «голосом» своей семьи, своего сословия: «Наше семейство из коренных невянских будет. На этом самом заводе начало получило. <...> Тоже, поди, за эти годы наши семейные что-нибудь видели. И глухонемых в роду не бывало. Одни, значит, рассказывали, другие слушали, а потом сами рассказывали. Если такое собрать, много занятого окажется» (с. 651–652).

Рабочий человек, по собственной воле осваивающий тонкости профессии, проходящий все этапы социализации и личностной реализации, жизненная философия которого основана на его повседневном опыте, до этого героем литературы не был. Этот социальный тип, воплощенный не в одном десятке характеров героев сказов, получает не просто возможность «высказаться», но «передать» более молодому человеку из социалистического времени приобретенное им понимание мира. Жизненный опыт рассказчика заведомо делает стоящим в глазах читателя то, что он рассказывает. Сказ, таким образом, становится формой выражения коллективного знания, которым обладали рабочие, их коллективной памяти. Идеологические требования к памяти как явлению сознания, в соответствии с советскими «установками» легко подвергающемуся перестройке, не были столь жесткими, как к истории. Следовательно, было возможно, зафиксировав тексты как тексты памяти, предложить существенно отличный от официального вариант описания прошлого.

МЕСТО ПАМЯТИ В СОЗДАНИИ ИСТОРИИ МЕСТА

Воссоздание истории Урала, запечатленной коллективной и индивидуальной памятью, является одной из важнейших творческих задач Бажова. Писателя смущала серьезная трансформация естественной исторической памяти людей и социальных групп в XX веке. Вынужденная мобильность населения разрушала сложившиеся сообщества носителей памяти, в период унификации образования достижения профессиональной историографии упрощались. Бажов стремится запечатлеть и сделать актуальной интерпретацию исторических событий, основанную на его собственных воспоминаниях и разножанровых рассказах, бытовавших в уральских заводах.

Для этого ему надо было собрать необходимый фактический материал, пока он окончательно не исчез. Интересуясь прошлым и настоящим родного края, где прошла вся его жизнь, Бажов накапливал в памяти факты, связанные с историей региона. Круг его интересов был широк: история заводов и заводчиков, социальная структура заводского общества, рассказы о заметных

⁴⁴ Жердев Д. В., Литовская М. А. Указ. соч. С. 794–795.

происшествиях в жизни связанных с этой землей людей: бар, приказчиков, мастеров, горщиков, путешественников, взрослых и детей, мужчин и женщин, живущих в разные времена. Многолетние усилия сделали его к середине 1930-х гг. одним из знатоков истории края.

Бажов показывает, что локальная история в заводской среде может организовываться разными способами. Традиционно — вокруг привязок к «большой истории»: так, в сказе «Кошачьи уши» фольклорный образ горной кошки — защитницы рабочего человека — включен в события Крестьянской войны 1773–1775 гг. Можно писать историю смены заводладельцев или приказчиков («Душного козла, который при Степане был, старый барин на Крылатовско за вонь отставил. Потом был Жареный Зад. Рабочие его на болванку посадили. Тут заступил Северьян Убойца» — с. 158). Но также история может выстраиваться вокруг мастеров или их творений. Бажов описывает рабочие династии камнерезов и оружейников, мастерство в которых, воплощенное в реальных произведениях труда и искусства, развивается от старших к младшим; наконец, он отстаивает приоритет и превосходство уральских рабочих в различных производственных областях.

По сказам «Малахитовой шкатулки» при желании можно воссоздать историческую хронику Сысертского заводского округа: от основания Полевского завода в 1720-х гг. до передачи его А. Ф. Турчанинову в 1750-х, через Пугачёвское восстание 1770-х гг. и отмену крепостного права в 1860-х, вплоть до Гражданской войны конца 1910-х — начала 1920-х гг. Но он не претендует на звание историографа этих мест, он выбирает роль хранителя народной памяти. Бажов расширяет историю Урала вглубь веков и за пределы отдельных заводских округов. «Малахитовая шкатулка» начинается с рассказа о «старых людях» дороссийского прошлого Урала и о покорении Сибири Ермаком в XVI веке («Дорогое имячко»): «...может быть, потому что Полевской завод строился на месте древних рудокопен — “чудских” капаней, здесь были живы рассказы о старых людях»⁴⁵. Бажов вспоминает, что «Разговоры о таинственном Полозе, о синих огоньках и змеиных клубках как показателях золотоносных мест... случалось слышать и в Сысертской части округа, но разговор о каких-то старых людях был новостью. Это было особенностью Полевской стороны и связано было с историей Гумёшевского рудника, как и другие фантастические образы»⁴⁶. В сказе «Ермаковы Лебеди» Бажов развивает уральскую версию истории Ермака, в то же время продолжая открытую сказом «Дорогое имячко» тему связи значимости «земельных богатств» с историческими событиями.

Примечания ко всем сказам сборника «Малахитовая шкатулка» содержат отсылки к историческим лицам и событиям, связанным — иногда фантастически — с действием в отдельных текстах. В форме автобиографического повествования написан сказ «Тяжелая витушка», история жизни рассказчика В. А. Хмелинина переплетается с рассказами о старательском быте периода крепостного права на Уральских заводах. В сказе «Старых гор подаренье» П. П. Бажов «связывает воедино разные пласты истории горнозаводского Урала: безымянный старик, явно представляющий Тайную силу, вручает соратнику Пугачёва Салавату Юлаеву волшебную шашку, которая, однако, задумана и, видимо, выкована “дедами” уральских мастеров. Салават, не оправдав доверие Урала, теряет право владеть шашкой, но в будущем она вернется и достанется тому, “кто показал народу его полную силу”, при этом история шашки звучит на заводе предреволюционного периода и ведет слушателей на “правильную” сторону в Гражданской войне»⁴⁷. Казалось бы, выдуманный сюжет в лучшем случае связан с преданием, к тому же «советизированным», но Бажов и в этом случае не забывает про реальный исторический факт, память о котором жива в народе, потому что он слышал о нем. В письме М. А. Батину от 20 февраля 1949 г. писатель указывает: «В сказе “Старых гор подаренье” говорится сначала о работе над мечом эфиопскому царю. Это тоже действительный факт, относящийся к концу 90-х годов, когда готовился меч для негуса Менелика, и разговоры рабочих о “бесштанном царе” я сам слышал»⁴⁸.

⁴⁵ Бажов П. П. Малахитовая шкатулка: научное издание. С. 779.

⁴⁶ Там же. С. 731.

⁴⁷ Там же. С. 882.

⁴⁸ Бажов П. П. Публицистика... С. 194.

Чем хуже становится состояние здоровья Бажова, тем больше он складывает в «копилку памяти» и старается хотя бы поверхностно рассказать о все новых и новых фактах, мастерах, ремеслах, преданиях, обогащающих историю Урала. Начиная с 1946 г., он все чаще оправдывается перед теми, кто ждет от него новых сказов об уже освоенных местах и персонажах, не только состоянием здоровья, в первую очередь зрения, но и тем, что пытается «перейти к более простым вещам из той же уральской истории»⁴⁹. Так, обязанности депутата Верховного Совета СССР от Красноуфимского округа открывают перед ним «совершенно... неожиданное, “кричащее”»: “На Урале всю жизнь прожил, а об этом не подумал!”»⁵⁰. Он намечает новые темы и повороты тем в сказах, делится своими замыслами с адресатами писем и собеседниками. В письме к И. И. Халтурину от 16 февраля 1946 г. он пишет и о «кучерявом кузнеце в дворянском мундире Акинфии Демидове с его «Русским железным делом», и о марийских селах, где живут «язычники в давнем окружении ислама и православия», и об «Артинском косном заводе», где «до сих пор полосы расковывают хвостовыми молотами крепостной поры»⁵¹.

Понимая невозможность самому детально «обработать» множество новых фактов, Бажов стремится активизировать коллективную память современного ему общества, расширить число тех, кто собирает фольклор своего региона. Для этого он инспирирует расспросы старожилов, которые, «помогая один другому, а иногда и жестоко споря друг с другом, припоминают многое, о чем раньше не говорили». Даже рекомендуя коллегам стихи пожилого «поэта-самородка», он просит их «направлять его на воспроизведение не только своего, но и той части народного, которую он помнит»⁵². Наконец, Бажов прямо призывает пионеров Нижнесергинской школы «увеличить собирание таких же сказов и преданий по своему району»⁵³, объясняет, как это можно лучше сделать.

Бажов, конечно, сетовал иногда, что его интерес к «старине» кажется странным, более того, он осознавал сиюминутную неактуальность многих своих текстов о прошлом для людей военного и послевоенного времени, которым приходилось решать сложнейшие насущные проблемы. В письме Е. А. Пермяку 12 декабря 1946 г. он с горечью пишет о своей сверхзанятости, связанной с деятельностью депутата, к которому обращаются за помощью люди в отчаянном положении: «Можно ли такому человеку сказать: приходите в следующий четверг? Может быть, еще пояснить: “некогда мне — старину перебираю”?»⁵⁴. Но также он осознает, что эта неактуальность иллюзорная: людям необходима опора в виде оригинальной локальной истории — систематизированного знания о предках, их нравах и обычаях, местных героях и злодеях, выдающихся достижениях и неудачах. По его мнению, создаваемая им история «старины» войдет в коллективную память жителей региона, обогатит их восприятие Урала.

ОБРАЗ УРАЛА

Бажов всего несколько раз в художественных текстах выводит действие за границы Уральско-горнозаводского региона, одновременно расширяя географию мест действия, упоминая все новые и новые локации, где происходили важные для края события. Постепенно из очерков, автобиографических повестей, сказов, докладов, интервью складывается концептуальный образ бажовского Урала.

Бажовские сказы, в первую очередь, удивляют читателя описанием неожиданной мощи и богатства природы Урала, изображением сложного детализированного взаимодействия жителей края и фантастического мира Тайной силы. В своем «географическом», топонимически точном описании Бажов заменяет горизонталь традиционной российской картины мира вертикалями уральских невысоких гор и подземелий, «заселяет» эту территорию детьми, стариками, мастерами, самостоятельными женщинами и т. п., но также Огневушкой-поскакушкой, козликом

⁴⁹ Бажов П. П. Письма. С. 313.

⁵⁰ Там же. С. 313.

⁵¹ Там же. С. 314.

⁵² Там же. С. 408.

⁵³ Там же. С. 315.

⁵⁴ Там же. С. 448.

Серебряное копытце, горными мастерами — многочисленными персонажами наземного и подземного мира⁵⁵. Практически все действующие лица его сказов, очерков, автобиографических повестей «попадают» в текст из памяти повествователей и рассказчиков. Взаимодействие с персонажами, относящимся к Тайной силе, согласно сказам Бажова, составляет неотъемлемую часть повседневной культуры жителей уральских горных заводов, определяет их поведение, становится предметом воспоминаний и последующих рассказов.

Если рассматривать образ Урала у Бажова как целое в аспекте социальных технологий, то в изображенном им краю земельных богатств, населенном простыми рабочими людьми и таинственными потусторонними обитателями, которых встречают только избранные и только по особым случаям, можно обнаружить одновременно черты двух типов организации пространства: фронта и места силы — хартленда.

Фронт как место — это пространство экспансии, переброса социальной энергии за пределы ранее обозначенных границ. О периоде широко понимаемой «экспансии» подробно рассказывается в досказовом творчестве Бажова: это и захват с последующим освоением новых территорий, и внедрение новых идеологических установок, в первую очередь революционных идей в Петровскую ли эпоху или в Гражданскую войну XX века. В сказах упоминания о подобном рода экспансии встречаются редко, хотя на начальном этапе работы над сказами эта тема, видимо, интересовала Бажова. Революционному изменению отношения к религии и служителям церкви посвящен первый известный нам сказовый очерк «О водолазах», в сказе «Дорогое имячко», открывающем сборник «Малахитовая шкатулка», повествуется об изгнании «старых людей» из тех мест, где во времена рассказчика уже давно располагаются заводы. Но в обжитом социальном мире заводов возникает иной тип границы — символической границы мастерства и идущего с горного Урала распространения новых эстетических и этических стандартов, которая проходит через все сказовое творчество.

Второй тип пространства — Урал как место силы — также изображен Бажовым в нескольких аспектах. В мире хартленда нет высокой степени свободы фронта, в этом пространстве сформирована система жестких ограничений, идет ли речь о крепостном праве, взаимодействии с Тайной силой или рабочей этикой. Ограничения формируют традиции и позже контролируются традициями. В месте силы борьба с чужими за выживание перенесена из сферы прямого военного противостояния и борьбы за территории в сферу символическую — за право транслировать в мир свое видение красоты, придерживаться своей системы ценностей, имеющей в этом сообществе такое же право на существование, как и господствующая. Ресурсы экспансии обеспечивают в месте силы привилегии для власть имущих, трудящиеся имеют доступ к таким видам деятельности, где возможны формирование традиции и следование ей, доведение ее до совершенства, проявление творческой свободы, уравнивающей мастеров с величайшими мировыми творцами, о чем они, впрочем, никогда не узнают. Энергии жадности и стяжания противостоит энергия достижения совершенства при недоступности социального лифта, который в логике сказов ограничивается «волей». Власть золота и культуры присвоения материальных богатств в мире бажовских сказов встречает глухое сопротивление, в нем существует невидимая, но четкая граница, за которой побеждает власть «рабочей» культуры, основанной на идее мастерства и «честного житья». Симпатии рассказчика всегда находятся на этой стороне.

П. П. Бажов изображает мир специфической плодотворной социальной энергии, неслучайно в позднем сказовом творчестве показано, как послереволюционные преобразования меняют статус мастерства⁵⁶. Он подчеркивает, что социальная энергия поддерживается самим местом силы и новым (советским) временем, которое позволяет ей свободно проявляться. Знакомые / экзотические привязки к географической карте, по идее, должны способствовать усилению чувства локальной / исторической идентичности как у читателей, связанных с Уралом, так и у тех,

⁵⁵ Образ Урала многократно и в разных аспектах рассматривался в научных работах, очерках и эссе о Бажове. См., например: Никулина М. А. Камень. Пещера. Гора. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002; Абашев В. В. Интермедийные трансформации горной мифологии П. П. Бажова в романе Ольги Славниковой «2017» // Вестник Пермского университета, 2014; Приказчикова Е. Е. Топос и локус Урала в эпистолярном наследии П. П. Бажова; и мн. др.

⁵⁶ См. об этом: Жердев Д. В. Поэтика сказов П. П. Бажова: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997.

кто с этим местом силы не связан. Однако характерно, что при этом в текстах Бажова нет акцента на географической детерминированности «высокой» рабочей культуры. «Нехорошо звучит... слово “уралец” как что-то особое, географическое. Уральцы — люди как люди. Есть между ними и рослые, и низкорослые, сильные и слабые, и нет оснований выделять их в особую группу», — выговаривает Бажов в письме 8 августа 1946 г. автору из Серова⁵⁷, видимо, как многие, делающего акцент на географической «прописке» своего положительного персонажа. Урал — это одно из мест силы, которое писатель делает предметом изображения, потому что хорошо знает, как живут, о чем рассказывают и что помнят жители этого места, которые «приписывают» себя не к большому Уралу, а к своим заводам, поселениям, профессиям.

Выводы

Бажов проблемно-тематической и жанровой организацией своего творчества демонстрирует намеренную нестрогость обыденного исторического знания (коллективной памяти). Изначально рабочие общались друг с другом и делились своим опытом, со временем часть этих рассказов преобразовывалась в фольклор, переходила из поколения в поколение.

Согласно концепции «культурной памяти» Я. Ассмана, коллективная память имеет две формы: коммуникативную память и культурную память. «Коммуникативная память относится к воспоминаниям о недавнем прошлом, которые человек разделяет со своими современниками. Эта память имеет временное измерение: возникает и исчезает вместе со своими носителями. Коммуникативная память, основанная на личной коммуникации и непосредственном биографическом опыте, охватывает три-четыре поколения, т. е. примерно 80 лет»⁵⁸. «Культурная память не связана с непосредственным опытом индивида, это область формирования смысла. <...> Фактическая история в рамках культурной памяти преобразуется в воссозданную воспоминанием, а та, в свою очередь, становится основанием для обосновывающего воспоминания». В культурной памяти прошлое «сворачивается» в символические фигуры⁵⁹, к которым «прикрепляется» воспоминание.

Если применить эту концепцию к творчеству П. П. Бажова, получается, что уральские рабочие передавали от человека к человеку свои рассказы о жизни «в заводе», «в горе», в камнерезных мастерских. Коммуникативная память постоянно обогащалась в процессе общения. В. А. Хмелинин унаследовал коллективную память от предыдущего поколения, «“перенял сказы от своих стариков”»⁶⁰ и дополнил ее своим опытом и мастерством устного рассказчика. П. П. Бажов, в свою очередь, унаследовал коллективную память «заводских стариков» и попытался, предварительно описав в очерках этот феномен, «восстановить фольклор», основываясь на своих воспоминаниях об этих текстах. Фольклорные произведения, обработанные, существенно дополненные П. П. Бажовым и представленные в письменной форме, преобразили традиционный способ межпоколенной передачи памяти. Письменное оформление позволило преодолеть ограничения устной традиции, сделав память о прошлом более устойчивой и доступной широкому читателю.

Каждый субъект в процессе межпоколенческой передачи памяти по-своему отбирает воспоминания и реконструирует прошлое. Рассказывая свои истории, В. А. Хмелинин отбросил то, что считал бесполезным, и сохранил то, во что верил. П. П. Бажов стремится «восстановить» по аналогии или сохранившимся образцам материальной и духовной культуры особенности мышления рабочих, не просто сохранить память, но «оживить» ее, при помощи уральского диалекта, которым интересовался и собирал его образцы. Он использует свою «квалификацию» литератора, чтобы превратить коммуникативную память социальной группы в память иного типа, сохранить, дополнить и передать последующим поколениям сконструированную им «культурную память» жителей Урала, увлечь своими произведениями многочисленных читателей.

⁵⁷ Бажов П. П. Письма. С. 383.

⁵⁸ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 52–53.

⁵⁹ Там же. С. 55.

⁶⁰ Бажов П. П. Малахитовая шкатулка. С. 756.

«Право предоставлено, а дело совести, ума, умения, квалификации им воспользоваться»⁶¹, — утверждал Бажов. Преобразованные Бажовым рассказы-воспоминания рабочих воплотились в «Малахитовую шкатулку». Первое издание сборника увидело свет в 1939 году, с тех пор многократно переиздавалось, было адаптировано для других видов искусства. Сборник, созданный в формате «литературы для народа», стал в отечественной литературе своего рода «местом памяти» Урала, предлагая ясный и доступный сознанию широкого читателя динамический образ Урала как места силы. Также Бажов намечает, иногда конспективно, перспективные направления будущих ураловедческих исследований, предлагает свой вариант описания их в разработанном им «легендарном», мифологизированном ключе с опорой на коллективную память.

References

Assman J. *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory. Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. (In Russian).

Bazhov P. P. *Malakhitovaya shkatulka: nauchnoye izdaniye* [The Malachite Box: Scientific Publication]. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy Publ., 2019. (In Russian).

Bazhovskaya entsiklopediya [Bazhov Encyclopedia]. Ekaterinburg: Sokrat Publ.; Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2007. (In Russian).

Blazhes V. V. [“The Institute of Factory Old Men” in the Assessment of P. P. Bazhov]. *Fol'klor narodov RSFSR* [Folklore of the Peoples of the RSFSR]. Ufa: Izd-vo Bashkirskogo un-ta Publ., 1979, iss. 6, pp. 81–86. (In Russian).

Gelhardt R. R. [On Historical Motifs in the Tales of P. Bazhov. On the Problem of “Soviet Literature and Folklore”]. *Pavel Petrovich Bazhov. Sbornik statey i vospominaniy* [Pavel Petrovich Bazhov. A Collection of Articles and Memoirs]. Molotov: Molotovskoye kn. izd-vo Publ., 1955, pp. 69–172. (In Russian).

Ishunina E. N. [The Motif of Payment for the Gift of Genius in the Tales of P. Bazhov and the Short Story of I. Shmelev “The Inexhaustible Chalice”]. *Tvorchestvo P. P. Bazhova v menyayushchemsya mire: Materialy mezhdvuzov. nauch. konf., posvyashchennoy 125-letiyu so dnya rozhdeniya P. P. Bazhova, 28–29 yanvarya 2004 g.* [The Works of P. P. Bazhov in a Changing World: Proceedings of the Interuniversity Sci. Conf. Dedicated to the 125th Anniversary of P. P. Bazhov’s Birth, January 28–29, 2004]. Ekaterinburg: Ob’yedinennyy muzey pisateley Urala Publ., 2004, pp. 38–40. (In Russian).

Litovskaya M. A. [Letters and Working Notes of P. P. Bazhov: Does a “Throw-In” of Ego-Texts Change the Writer’s Legendary Biography?]. *Ego-dokumenty: Rossiya pervoy poloviny XX veka v mezhistrochnikovykh dialogakh* [Ego-Documents: Russia in the First Half of the 20th Century in Inter-Source Dialogues]. Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy Publ., 2021, pp. 133–137. (In Russian).

Nikulina M. P. *Kamen'. Peshchera. Gora* [Stone. Cave. Mountain]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii Publ., 2002. (In Russian).

Plotnikov I. F. *Pavel Petrovich Bazhov kak politik i istorik* [Pavel Petrovich Bazhov as a Politician and Historian]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii Publ., 2004. (In Russian).

Prikazchikova E. E. [Topos and Locus of the Urals in the Epistolary Legacy of P. P. Bazhov]. *Bazhov v menyayushchemsya mire* [Bazhov in a Changing World]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2022, pp. 9–32. (In Russian).

Slobozhaninova L. M. [Word and History. Creative Experience of P. P. Bazhov in the Historical Genre]. *Ural* [Ural], 1984, no. 1, pp. 166–171. (In Russian).

Zherdev D. V. *Poetika skazov P. P. Bazhova: avtoref. kand. dis.* [Poetics of P. P. Bazhov’s Tales: Abstr. Diss. Cand.]. Ekaterinburg, 1997. (In Russian).

Zherdev D. V. [The Master as a Character in P. P. Bazhov’s Tales]. *Bazhovskaya entsiklopediya* [Bazhov Encyclopedia]. Ekaterinburg: Sokrat Publ.; Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2007, pp. 247–250. (In Russian).

⁶¹ Бажов П. П. Публицистика... С. 47.

Zherdev D. V., Litovskaya M. A. [Pavel Bazhov. "The Malachite Box": Contexts]. *Bazhov P. P. Malakhitovaya shkatulka: nauchnoye izdaniye* [Bazhov P. P. The Malachite Box: Scientific Publication]. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy Publ., 2019, pp. 792–819. (In Russian).